

Красавец удивлённо широко раскрыл глаза, а Хулэ, сбитый с толку, посмотрел на отца. Великий полководец Хуянь слегка кивнул. Хулэ повернулся к красавцу и поклонился. Шаньюй с радостью принял его и даже подарил ему меч.

Красавец, увидев, как маленький толстяк, тяжело дыша, подошёл к нему, с улыбкой прищурился. Он был слишком толстым для двенадцатилетнего ребёнка, похожим на маленького чёрного поросёнка.

Успокоив великого полководца Хуянь, третий принц поклонился отцу и попросил разрешения отправиться на восток, в великие степи Хулунь. Путь был долгим, и шестнадцатилетний принц, возможно, не вернётся в царский двор несколько лет. Иэрдань с грустью смотрел на яньчжи, на свою возлюбленную. Яньчжи надул губы, выражая полное презрение, и, если бы не присутствие шаньюя, закатил бы глаза.

Шаньюй тоже был немного грустен, но ободрил его и лично проводил своего любимого младшего сына. Шаньюй и красавец верхом на лошадях провожали Иэрданя до заката. Маленький толстяк Хулэ вёл лошадь яньчжи, с любопытством наблюдая за уезжающим принцем. Шаньюй слез с коня, подошёл к Иэрданю, и между отцом и сыном состоялся долгий объятия. Солнце уже садилось, и последние лучи освещали бескрайнюю степь. Холодный ветер поднялся, и красавец почувствовал лёгкий озноб. Когда Иэрдань сел на лошадь и стал кружить на поводьях, время от времени украдкой поглядывая на яньчжи, его жалкий вид напоминал собаку, которую прогнали. Красавец не смотрел на него, гордо подняв голову и сердито глядя в сторону. Иэрдань наконец уехал, оглядываясь через каждые три шага, и, догнав основной отряд, уже был весь в слезах.

Яньчжи даже не взглянул на него.

Проводив Иэрданя, шаньюй тоже был подавлен. Когда они уже почти вернулись в царский двор, второй принц, который всё это время избегал великого полководца Хуянь, тоже попрощался. Шаньюй сердито посмотрел на своего непокорного сына и не сдержался, ударив его кнутом. Улэйжо молча принял удар, стоя перед отцом с опущенной головой, всё так же упрямый, что ещё больше разозлило шаньюя. Красавец, увидев, как на лбу шаньюя вздулись вены, а он размахивал кнутом, готовый забить второго принца, испуганно вскрикнул. Шаньюй успокоился, убрал кнут и, тяжело дыша, сидел на лошади, чувствуя боль в груди.

Красавец с недоумением смотрел на эту напряжённую сцену между отцом и сыном, и, видя, что уже так поздно, а шаньюй всё ещё не уезжает, прошептал:

— Великий владыка.

Шаньюй мягко посмотрел на него, и красавец надул губы:

— Великий владыка, давайте вернёмся.

Шаньюй, увидев свою яньчжи, сразу почувствовал себя лучше, толкнул второго принца и, не сказав ни слова, уехал. Красавец, конечно, последовал за ним, ехав рядом и успокаивая:

— Великий владыка, не сердитесь. Улэйжо через несколько лет станет мудрее.

Шаньюй всё ещё бурчал, а красавец, вспомнив, как его самого заставили выйти замуж за человека, которого он не любил, почувствовал сострадание к Улэйжо. Он восхищался смелостью юноши, который готов был порвать с отцом, лишь бы не жениться на нелюбимой. Красавец вспомнил своего брата и с обидой сказал:

— Великий владыка, не стоит его заставлять. Разве вы не видите, что он не хочет?

Шаньюй с сочувствием посмотрел на свою яньчжи, зная, что его красавец снова грустит, и утешил:

— Я больше не сержусь, яньчжи, не грусти.

Красавец покраснел, вспомнив брата, и снова впал в меланхолию. Здесь, так далеко от родной страны, сколько ему придётся ждать, чтобы вернуться? Возможно, он останется здесь навсегда. На обратном пути красавец всё время плакал, и шаньюй, раздражённый, как только они вернулись в царский двор, снял его с лошади и сразу отнёс в свою палатку.

В палатке красавец снова был изнасилован шаньюем. Красавец лишь слегка спустил штаны и сел на колени шаньюя, принимая его горячий член. Шаньюй яростно толкал его, а красавец, с покрасневшим лицом, слабо прижался к шаньюю и стонал:

— Великий владыка... мм... великий владыка...

Шаньюй толкал его так, что красавец терял сознание, обнимая одетого шаньюя и качая ягодицами на его коленях, развратно поглаживая его жёсткую щетину. Из-за отсутствия прелюдии его влагалище было немного сухим, и горячий член глубоко проник внутрь, покрасневшее нежное влагалище красавца было слегка приподнято на коленях шаньюя, и он просил быть понежнее.

Шаньюй обнял его сбоку, вдыхая аромат его шеи, и хрипло сказал:

— Роди мне маленького принца, и я перестану сердиться.

Красавец напрягся, его влагалище сжалось, и он сдержал стон, но его тело жадно обняло шаньюя, и он тихо застонал:

— Мм... ммм...

Секс был горячим, и красавец, после одного раза, уже ослаб. Когда шаньюй вынес его на ужин, он всё ещё был вялым, прижимаясь к шаньюю. Великий полководец Хуянь ещё не уехал, и шаньюй должен был лично провести свадьбу его дочери с генералом Тэмуэром. Красавец был рассеян, развратно прижимаясь к шаньюю, его тело, возбуждённое сексом, теперь жаждало вернуться в палатку, чтобы шаньюй снова взял его.

Поздно ночью шаньюй и его воины закончили костёр, и красавец наконец был отнесён в палатку, его нижнее бельё уже было мокрым. Шаньюй, выпив, всё время крепко обнимал его, время от времени щипая его ягодицы.

Шаньюй тоже выпил слишком много, и, не дойдя до палатки, вдруг взвалил красавца на плечи. Красавец, вися вниз головой на спине шаньюя, испуганно вскрикнул, а мужчина, держа его ягодицы, грубо шагал к палатке и бросил его на кровать.

Красавец смотрел, как шаньюй раздевается перед ним, стыдливо поджимая ноги, а шаньюй, с твёрдым членом, подошёл к нему, схватил его за ноги и прижал к себе. Красавец снова был жёстко трахан всю ночь. Перед браком ради мира его брат просил его меньше заниматься сексом с мужем и не соблазнять его в постели, но теперь он, поворачиваясь на бок, всё время подставлял шаньюю свои ягодицы.

Оба были голыми, переплетаясь друг с другом. Красавец тоже выпил немного вина у костра и теперь, в полубессознательном состоянии, был полностью охвачен желанием. Красавец сидел боком, полуприподнявшись, его длинные ноги переплетались с ногами шаньюя, который лежал позади него, обнимая его ягодицы и яростно толкая. Красавец стонал, садясь на бёдра шаньюя, его влагалище растянулось до круглого отверстия, мягкие губы терлись о густые волосы мужчины. Красавец, увидев напряжённое лицо шаньюя при свете огня, вдруг наклонился и начал лизать его соски.

Шаньюй шлёпал его по ягодицам, ругая:

— Развратная яньчжи.

Красавец развратно закричал:

— Ах... ха...

Но его ягодицы продолжали двигаться, плотно сжимая член мужчины. Красавец полностью нарушил клятву, данную брату, и в постели вёл себя, как сука, с удовольствием наблюдая, как мужчина, держа его за ногу, яростно трахает его, и даже с особым удовольствием смотрел на место их соединения. Красавец, трогая основание чёрного члена шаньюя, был мокрым, и, обняв его за талию, принял его сперму.

Шаньюй кончил в него, и красавец, удовлетворённо закрыв глаза, сжал влагалище, чтобы не потерять ни капли. Шаньюй тяжело дышал, а красавец, глядя на свой слегка выпирающий живот, казалось, действительно забеременел, и заплакал.

Он был так развратен, так грязен, и так жаждал этого.

Поздно ночью шаньюй поднёс свой член к его лицу, и красавец, с отвращением, облизывал его, вынужденно проглотив сперму, а когда шаньюй обнял его, чтобы уснуть, он всё ещё с отвращением сглатывал.

На следующий день красавец сразу же побежал полоскать рот, чтобы смыть всю грязь. Это было отвратительно.

Дни, проведённые вдали от ханьского дворца, были для красавца в основном несчастливими.

Степи не могли сравниться с Лояном, и большую часть времени он чувствовал себя одиноким.

Хотя в ханьском дворце у него тоже не было много свободы, это было место, где он родился и вырос, и рядом с ним был его возлюбленный. Красавец впал в меланхолию, но некому было рассказать о своих чувствах, даже самому доверенному слуге. Он часто тайно грустил. Шаньюй тоже замечал, что его яньчжи несчастлив, и старался развеселить его.

Шаньюй брал его с собой на прогулки верхом, показывал свои племена, брал на охоту, водил к красивому озеру Полумесяца. Красавец был угрюм, и только в постели немного оживлялся, когда мужчина жёстко трахал его, и он переставал думать о плохом. Он стал странно зависим от секса, словно только это поддерживало его жизнь, и каждую ночь он становился невероятно развратным, добровольно становясь на колени перед мужчиной и облизывая его.